

Алексей
Рацунь

**Почему
Мангышлак**

Алексей Борисович Рачунь

Почему Мангышлак

Серия «Письма русского путешественника»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67836743

Почему Мангышлак: Новое литературное обозрение; Москва; 2022

ISBN 978-5-4448-2050-6

Аннотация

«Каспий был моей мечтой с детства, с того момента, когда я увидел в учебнике географии его выпирающую в Центральную Азию брюшину. Он вываливался из чрева моей родины циклопическим комковатым последом, внутри которого проглядывал плод, зарождение всякой цивилизации вообще». Следуя давнему замыслу, писатель и путешественник Алексей Рачунь предпринимает долгожданное путешествие на каспийские берега в компании жены, сына и таинственного GPS-навигатора по имени Оксана. Перед нами не обычный травелог, полный описаний экзотических мест, диковинных традиций и чудес природы. Скорее наоборот: проезжая через степи, минуя провинциальные закусовые, посты ДПС и направляясь в заветный Мангышлак, автор переосмысливает свое представление о постсоветском пространстве и пытается понять

логику распада привычных психогеографических контуров. В своем ироничном и местами меланхоличном повествовании он стремится не склеить руины былой империи, но разделить с читателем их печальную красоту. Какой будет встреча с мечтой о Каспии, родившейся в совсем других исторических обстоятельствах? И сможет ли надежда на чудо оказаться сильнее времени?

Содержание

Вступление в Мангышлак	6
День 1	12
Явление неба	12
День 2	14
Явление утра	14
Явление земли	17
День 3	25
Явление притчи	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Рачунь

Почему Мангышлак

© А. Рачунь, 2022

© Ю. Васильков, дизайн обложки, 2022

Вступление в Мангышлак

Идея этого путешествия занимала меня давно. Сперва она витала лишь вокруг озер Эльтон и Баскунчак, над горой Богдо и в дельте Волги. Особо прельщали цветущие лотосы и порхающие над ними фламинго и пеликаны. Где-то за ними брезжил и Каспий. Виделось, что где дельта Волги, там и Каспий.

Каспий был моей мечтой с детства, с того момента, когда я увидел в учебнике географии его выпирающую в Центральную Азию брюшину. Он вываливался из чрева моей родины циклопическим комковатым последом, внутри которого проглядывал плод, зарождение всякой цивилизации вообще.

Конечно, я тогда не был знаком ни с теорией Гумилева, ни с геополитическими умозрениями, но инстинктивно осознавал и необычность этого водоема, и инаковость места. Громадная синяя прорва Каспия манила меня всегда, всю мою сознательную жизнь. Где бы я ни скитался и ни таскался, эта блямба на физической карте мира мозолила глаза, как невозвратный вексель, который я должен когда-нибудь погасить.

Однако скоро сказывается лишь сказка, и то не всякая. Каспий ускользал. Один раз я его почти настиг. Это было больше двадцати лет назад, это был Дербент, это была ночь, и радушные хозяева местной негодии уже глубокой ночью, уже под руки отвели меня на печальный и пустой берег, где я

ничего не разглядел. Ибо уже не мог. Это, конечно, оскорбление – являться к своей мечте в таком виде. Неудивительно, что у нас ничего не вышло.

Эльтон, Баскунчак, Нижняя Волга были ближе и мелькали постоянно рядом, обочь, на расстоянии вытянутой руки – бери и властвуй – но все равно мимо.

Я много раз бывал в тех краях транзитом, мимоходом и по делам. Заезжал с севера и юга, с правого и левого берега Волги. Пил водку на корейских бахчах неподалеку, а вот чтобы достичь Места – не получалось. Почти двадцать лет я ходил вокруг да около, оглаживал со всех сторон этот шершавый, сухой комок степи, а внутрь попасть не мог или не хотел.

Или не мог превозмочь сиюминутные обстоятельства, что тоже равно «не хотел».

И вот звезды сошлись. И мы собрались ехать.

Теперь наш путь удлинился и пролегал вдоль всего северного берега Каспия. Мы должны были посетить Эльтон, Баскунчак, гору Богдо, свалиться к Астрахани и отведать там дельты Волги, а затем двинуть вдоль Каспия по Казахстану в сторону Оренбурга, захватив по пути древнее городище Сарайшык на реке Урал.

Перед этим нам предстояло ответвление, чтобы поблуждать в меловых сплетениях гряды Актолагай и плато Аккергешин. Там, где из мягких, шлифованных сотнями миллионов лет боков ажурных склонов вываливаются под ноги

шальным бродягам раковины-аммониты и позвонки ископаемых доисторических чудищ.

Но в целом, магистрально, мы не должны были отклониться значительно от северного побережья Каспия.

Корону этого путешествия мы должны были примерять на пышных холмах сказочной Башкирии и, таким образом в очередной раз венчанные на бродяжье царствие, помпезно завершить сей анабазис.

Таков был план. Стоит ли говорить, что он претерпел изменения.

Времени на подготовку маршрута было очень мало, и он намечался лишь по реперным точкам. В нашем распоряжении были автомобиль и тринадцать свободных дней, и этого хватало просто тютелька в тютельку. То есть без учета приключений, а тем более злключений. Без происшествий и передряг.

Однако даже в былые, добиблейские времена, когда еще не существовало интернета, отправляясь куда-либо, я завел привычку, что называется, «насасывать» маршрут. Любая информация, хоть и в виде статьи-выжимки из «Большого энциклопедического словаря», но должна была лечь как лыко в строку, чтобы сплестись в пусть отрывочное, но представление о месте. Сейчас, в эпоху интернета, все это стало гораздо проще.

И выяснилось, что делать на Северном Каспии в общем-то нечего. Берега как такового там нет. Там есть камыши и

плавни, они начинаются в ставшей вдруг топкой степи и идут-идут куда-то, на сотни метров, а порой и на километры, и оборачиваются водной гладью.

То есть на Северном Каспии нет берега, нет горизонта, нет прибоя – нет ничего, чтобы море предстало морем. Есть заросли, и заросли отнюдь не мангровые, как на выкрученных до фуксии цветастых экранах залов в магазинах электроники, а банальные заросли чахлого камыша.

Нет, наверное, где-то есть и берег, но надо знать места. Надо «насосывать» эти места, каких-то местных людей, возможно лихих каких-то аборигенов, промысляющих рыбной ловлей в заповедных этих и потому браконьерских местах... А осознание того, что Северный Каспий – это не совсем Каспий, пришло, когда мы уже и так пребывали в легком цейтноте.

И стало ясно, что ничего мы тут не «насосем» и маршрут надо менять. И цейтнот превратился в цейтнотище.

У нас оставались все те же тринадцать дней, однако не было понятно, куда ехать. Можно было махнуть рукой и ограничиться полумерами – взять Эльтон и Баскунчак, а затем мотыляться по степям от кургана к кургану, от менгира к менгиру и коротать таким образом дни.

Или просто сократить поездку.

Был вариант и с уходом на западный берег Каспия. Уйти с Волгограда на Элисту – и далее Махачкала, Дербент, кружение по горным дагестанским аулам и выход на Пятигорск

через Грозный и Владикавказ.

Однако быстро стало понятно, что к такому сокровищу, как западный Каспий, нужно подходить более ответственно и тринадцати дней там точно будет мало. Не хотелось пройтись по вершкам, было (и есть) ощущение, что те места стоят куда более долгой и проникновенной мессы. Что звучат там совсем иные струны. А камертон души был настроен хоть и на Каспий, но на Каспий совершенно другой.

Тогда-то и появилось в нашем обиходе это слово – Мангышлак. И сразу же стало ясно, что вот оно, то самое Место!

Опять всплыл в уме тот самый приснопамятный учебник географии.

Город-сад Шевченко, где с помощью мирного атома опресняют морскую воду и превращают дикие пустыни в плодородные оазисы. Безжизненные, не вмещаемые ни в какой масштаб территории плато Устюрт. И все решилось само собой – мы едем на Мангышлак. Вот он, тот самый Каспий – детская мечта. Он именно там, где Мангышлак.

Наметили точки и места. Пятно на карте вдруг запестрело названиями, историями, легендами и достопримечательностями. Пустыня расцвела и стала оазисом. И отпали до поры вопросы – почему именно Мангышлак. Ну вот потому.

Тринадцать дней теперь вмещали в себя длиннейшие перегоны и лихие марш-броски. Нужно было успеть невероятно много, тем более что Эльтон, Баскунчак, Астрахань и дельту Волги с повестки никто не снимал. Просто теперь не

было права на ошибку, а вероятность провала так и вовсе отметалась.

Оставшееся время мы посвятили подготовке автомобиля, плановым и внезапным его ремонтам и шлифовке маршрута.

Если честно, картина того, что нам предстоит, в голове не укладывалась.

По-хорошему, необходимо было резать по живому, жертвовать ради Мангышлака всем остальным – Волгой, Астраханью. Ехать в Казахстан через Оренбург и тем же маршрутом обратно, как все, не выделяваясь.

Однако, даже не вмещая в себя масштаб, мы не отказались от идеи описать круг.

После я много раз говорил с разными людьми, таможенными и пограничными служащими, и все они недоумевали: почему именно так вы едете на Мангышлак?

Опять «почему». Опять «Мангышлак». Ну вот потому. Такая у нас околесная дорога. Как говорится, это не мы выбираем дорогу, это дорога выбирает нас.

И мы поехали, не вмещая в себя масштаба, расстояний, пути. Сели и поехали. Так началась эта дорога. Или путь.

День 1

Явление неба

Выезжали мы вечером, во взбитую в тесто мусть и морось, и прогноз уверял, что так будет до самого Саратова.

Пермь к тому моменту заливало вторую неделю.

Это был холодный, злобный ранневесенний дождь, что взял в осаду Прикамье и набегал, как вражеское войско на крепостные стены, волнами приступа. Интернет пестрел картинками этих штурмов – над Камой, уминая ее катком, валлил строй дождевых туч от неба и до самой воды и пожирал все.

В перерывах между этими приступами над городом висела морось, все газоны, все что не покрыто асфальтом, было заболочено, все было холодным, липким, мерзким. И наш отъезд воспринимался как избавление.

Потому и выехали почти в ночь: быть здесь, жить здесь даже лишние несколько часов не представлялось нам возможным. Мы рвались к Каспию, как к обетованной земле, где по преданиям всегда тепло, где цветут диковинные сады и не заходит солнце. Лучше мы эти лишние часы будем ехать по такой же дождевой хмари, пускай, но мы не останемся на месте, а пробьемся встречь солнцу.

И удивительное дело – прогноз врал, тучи рассеялись, не отъехали мы от Перми и сотни километров. Тучи, вопреки всем предсказаниям, были не везде, их согнало со всего неба, и всё небесное грозное войско было там, над Пермью, держало город в непроницаемом черном кольце. А мы его прорвали. И всю дальнейшую нашу дорогу дождя мы больше не видели.

Пускай и потемну, но по прекрасной сухой дороге, одолев пятьсот километров, мы достигли Набережных Челнов, где и расположились на ночлег в хостеле.

Даже хостел, странноприимный этот постоялый двор, что пропускает через свое чрево потоки путников, показался нам каким-то особенно теплым и уютным после промозглой нашей, заходящейся в колотуне Перми.

День 2

Явление утра

На второй день мы планировали достичь озера Эльтон и заночевать там в палатке. Для этого нам нужно было, ни много ни мало, преодолеть 1200 километров, что, конечно же, требовало от нас полной концентрации и дисциплины. Даже несмотря на то, что участками (и обширными участками) путь наш должен был пролегать по местности безлюдной, степной, где, что называется, можно «валить на все деньги».

Однако на нас сильно подействовала вчерашняя перемена погоды. После утопавшей в хлябях Перми Татарстан казался почти что землей обетованной. И хотя за окном была обвисшая на колках струна бетонных заборов, где-то там, за заборами, брезжили райские сады.

Сборы затягивались, и мне пришлось прибегнуть к окрикам, чтобы собрать наконец свое «войско» – жену Аню и сына Сашу – и поставить его на марш.

Плутанув по собственной глупости по Челнам, мы выбрались наконец за город.

До сего дня этой дорогой я ездил за рулем всего один раз, до Самары, предпочитая путь через теплую, ламповую Баш-

кирию, мою давнюю любовь и объект многочисленных грез.

Башкирия всегда казалась мне роднее, и пускай путь через нее выходил длиннее, но ее косматые, словно загривки башкирских лошадок, покатые просторы всегда наполняли сердце простой и понятной целью, легко уяснимой логикой, смыслом.

Татарстан же всегда был для меня чем-то сложным, здесь все было не так, все было непросто.

С виду это вся та же местность, но в Татарстане я всегда себя вел и веду с особой церемониальной осмотрительностью, будто царство древних булгар на самом деле никуда и не делось, оно лишь прикрылось одежкой нынешней цивилизации, но прикрылось скупой, для приличия. Так повязывают поверх коротких джинсов передники туристки, заходящие в церковь. В этом нет смирения, это воспринимается как дресс-код.

Как бы то ни было, мы двигались к Самаре замысловатыми татарскими дорогами, их межрайонное, сельское назначение – все эти мотоарбы с силосом и дизельные сельхозпозы – не добавляло нашему движению легкости.

Мелькали Русский Акташ, Чувашское Сиренькино, а за окном был Татарстан. Не обошлось и без знаменитых татарстанских гаишников, и на федеральную трассу М5 под Самарой мы выбрались за полдень.

Было ясно, что сегодня мы на Эльтон не успеваем. Впереди был рывок на Энгельс через пугачевско-балаковский

участок, более напоминающий не дорогу, а каньон в лунном кратере. Уповая на мощность автомобиля, я надеялся проскочить его быстро, и все равно Эльтон не маячил даже на горизонте. До него оставалось около семисот километров. В такой ситуации самым верным решением было положиться на дорогу – как она поведет, так, стало быть, и поедет. И это, по моему мнению, единственно верное решение для всех путешественников. Оно экономит силы и нервы. А дорога все знает. Не рожать же мчимся!

Явление земли

Относительно заросшие саратовские пуши: Ивантеевка, Пугачев, пристяжь более мелких селений – проскочили, с перерывом на обед, незаметно.

Здесь чувствовалось, что земля уже иная, изобильная, плодородная, чему доказательством были элеваторы, зерновозы, сельхозугодья, что земля эта обширная и благодатная, что это уже предвестье степи. Однако не сама степь. Не в моем понимании степь.

Перелески, косогоры, растительность имели признаки как лесной, так и степной зон. Хотя ельников и березняков уже не было, но обильно росло всякое иное дерево, более южное, но все же высокое, укоренившееся. Сия окаемка Общего Сырта была таким порубежьем, что оставляло за собой родину в ее привычно-природном изводе и обещало скорую новизну. И воздух здесь был иной, и небо иное. И что-то иное было впереди.

Вскоре мы сменились за рулем и, надо же, я заснул, хотя привычки таковой не имею. Проснулся, уже когда автомобиль наш несся где-то за Балаковым. Было повечерье и это была уже степь. И это было уже Поволжье. И хотя Волги мы до сих пор не увидели, мне с одного лишь мимолетного взгляда стало ясно, что это волжское левобережье, так называемое Нижнее Заволжье.

Степь в нем имеет вид обширных, местами сильно обводненных плоскостей. Это не одна плоскость, а множество. Так выглядит мятая – не скомканная, но уже мятая от многократного использования – газета. Это все еще большой лист, однако исчерченный уже неровными изломами, и внутри этих изломов заключаются особые плоскости. И особые смыслы.

Такая газета, если взглянуть на нее отстраненно, выглядит как хаотичная, но все же мозаика. Или, если взять аналогию с телом, левобережная волжская степь выглядит как тыльная сторона ладони, в сравнении со стороной внутренней.

Тыльная всегда глаже и ровнее, хотя и не являет собой идеальную плоскость. И чем ближе к Волге, тем эта плоскость рельефнее, отчетливее, а чем от Волги дальше, южнее, ближе к Казахстану, тем она ровнее и глаже. Это – левобережье. Оно такое – и его ни с чем не перепутать.

Притоки Волги здесь похожи на вены на тыльной стороне ладони. Их набухающие кровотоки несут по сглаженным степным плоскостям свои синие воды к артерии, чтобы соединиться там и понестись дальше густым и бурным жизнетворным потоком.

А мимо нас не неслись, а тянулись по этому левобережью деревеньки и становища, все какие-то блеклые и неприка-янные, однако нарастал поток транспорта и угадывался впереди большой город. Близился Энгельс, раскидистый, основательный, тучный, привольный. Несмотря на переименование, целиком унаследовавший генокод торгового, ярмароч-

ного Покровска.

Ну а пока была степь, и открылась она нам в этот раз своей совсем непарадной стороной.

Было начало мая, земля даже здесь, на относительном юге, была гола, степь бархатилась лишь короткой травой, как лужайка. Ничего пока не всходило и не колосилось на благодатной этой земле.

И все же земля была полна. Она призывала зайти за покупками в «Пятерочки», «Магниты», «Монетки» или куда не призывала, а просто искрилась фейерверком безымянных пакетов.

Степь была полна пакетами! Дорожная насыпь как естественное препятствие была просто окаймлена пакетами, как прибойной волной, и с той и с другой стороны. Дальше же, в степь, пакеты привольно перекатывались, носимые ветром, как барашки волн, с места на место. Пакетов были тысячи, а может, и десятки тысяч.

Голая, пока еще не заросшая степь обнажила перед нами огромную проблему. Проблему экологии.

На ее поверхности, будто на теле с содранной кожей, словно черви, словно личинки мух, копошились и шевелились огромной неопрятной массой паразиты, пожиратели живой плоти.

Вид этого был настолько ужасен, настолько неприятен и отталкивающ, что хотелось зажмуриться, включить форсаж и улететь отсюда прочь, лишь бы не видеть этой страшной

картины.

Однако улететь мы не могли, и глаза закрыть тоже. И все, что нам оставалось, это ехать по пакетному морю, испытывать жгучий, невероятный стыд и думать о себе: «Что ж ты делаешь, человеке?!»

Над головой проносились огромные стальные птицы – это заходили на посадку на авиабазу «Энгельс» стратегические бомбардировщики Ту-160.

Хорошо и привольно было им лететь над бескрайними степями, надвигающейся тенью силуэта захватывая все больше и больше пространства, и утверждать власть человека над природой.

Оттуда, из кабины этого чуда техники, из недр невысказанного этого памятника человеческому гению, земля эта и природа эта виделись ярким и цветным цельным пятном, матерью-землей, той самой родиной, что всячески сохранять и оберегать и есть наиглавнейшая людская задача.

И проносились машина, оставляя позади себя завихрения свежей, еще неслежалой волжской пыли. И шелестели по степи пакеты.

Глядя снизу на эти машины, невозможно было не испытывать гордость, – но невозможно испытывать гордость, лишь задирая нос кверху. Так же важно для всякого человека испытывать гордость, и просто проходя по земле, упирая в эту землю взгляд.

Наступит ли когда-либо время, когда мы будем гордить-

ся не только своей осознаваемой мощью, своим неодолимым войском, своим оружием и способностью с его помощью держать хоть кого в страхе, но и способностью любить всякое, даже мельчайшее проявление родины, и прибирать и обихаживать ее, делать чище и светлее и родину, и души?

Да, сверху видно все. Но, увы, на расстоянии.

А мы же мерили расстояние по дорогам и в быстро вязнущих сумерках проскочили Энгельс.

Пушкой не Эльтона, пушкой Палласовки достичь за сегодня – от этой идеи мы не отказались. А от Палласовки до Эльтона всего-то сотня с захудалым гачишкой, а что, а вдруг?

Впрочем, в Палласовке нас ждало одно дельце, что в ночь было осуществить затруднительно, и мы держали Палласовку в уме крайней на сегодня целью.

– Здесь, кстати, неподалеку место приземления Гагарина, – сказал я своим. – Я был в этом комплексе лет двадцать назад. Можем заехать.

Мои, однако, не воодушевились. Всем хотелось скорейшего окончания длиннющего этого дня, хотелось ужина, ночлега, покоя. И мы проскочили поворот к историческому месту, благо был он через встречную полосу и под острым углом.

Тут бы и понестись дальше, однако дальше не несло.

Позади оставалось что-то важное, что-то несделанное, от чего невозможно просто так отказаться. Что-то такое, о чем ты, может, и не будешь никогда сожалеть, но, сделав это, ста-

нешь чуточку другим. Улучшишься на уровне устранения бага в прошивке – в мизере, но в каком важном мизере!

Послышались вопросы и увещевания.

А куда мы едем? А зачем?

Самые важные в путешествии вопросы. С появлением которых дорога и становится путем.

И я стал сбавлять скорость, затем притормаживать, затем съехал на обочину и развернулся. Через шесть километров.

Сзади послышался вздох облегчения. Всем хотелось покоя, но все приняли решение. Ночь проступала над белой лентой Волги глянцевыми непросохшими чернилами.

Двадцать лет назад это место было с виду другим. Не неухоженным, нет, но бедно-аккуратным, как сиротская рубашка. Чистым, но застиранным, подштопанным. Заваленные бордюры, подкрашенные разбавленными белилами, потрескавшийся асфальт, топорщащиеся кусты.

Теперь же здесь навели лоск, однако лоск не избыточный, очень уместный, не заслоняющий, а лишь оттеняющий значимость события. И вместе с тем не сакрализирующий его. Это было именно Место.

И пускай здесь человечеству было явлено одновременно и последнее и первое чудо – последнее вообще, первое и единственное в новейшем времени – здесь небо упало на землю, и этот факт явлен всему миру; это место устроено так, что ты ощущаешь его не памятником чуду. А памятником творцам этого чуда.

Мы походили возле монумента и стел, снимали спускаемый аппарат, погуляли по ухоженным аллеям. Они пронзали освещенными стрелами уже полностью сгустившуюся южную темноту, как кометы космос.

Где-то неподалеку по невероятно громкому концерту переживающих брачный период жаб угадывался водоем. Их беспечный хор своим радушным выступлением будто приветствовал наше решение повернуть и заехать сюда. Всё незря.

Стоянок вокруг места приземления тоже прибавилось. Все устроено хорошо и удобно, так, чтобы сюда могли спокойно заезжать туристические шаттлы. А в таком месте все автобусы хочется именовать именно шаттлами.

Да и сейчас, несмотря на позднее время, мы были здесь не единственными посетителями. То там, то тут в местах, куда слабее всего добивал свет фонарей, под низкими ветвями цветущих деревьев взгляд нет-нет да и выхватывал автомобиль. Похоже, местные парочки едут сюда уединяться. Что ж, влюбленных всегда тянет к чуду.

Спустя час-полтора пришло осознание, что все, пора и честь знать. Нужен ночлег.

Было уже за полночь, дорога вела нас вдоль Волги, трассу все чаще перебежали лисы и косули, а глаза сами закрывались. Навигаторша «Оксана» привела нас в село Ровное, обещая гостиницу.

Поплутав по сонным улочкам, мы оказались на диком бе-

регу Волги. Оксана настаивала, что нам нужно съехать прямо в воду и искать приюта где-то там, в глубине. Пришлось ехать дальше.

Спустя пару километров Оксана обнаружила кафе-гостиницу «Вдали от жен».

«Вдали от жен» оказалось закрытым на амбарный замок. Это край победивших семейных ценностей, решили мы.

Еще поплутав, мы расспросили местных водил, и они снарядили нас в путь до мотеля «У Рубена».

– Пять километров прямо, а там мимо не проедете, – лукаво усмехнулись ребята. – Там увидите вертолет.

И действительно, через пять километров мы увидели силуэт вертолета и мигающий от подышающего реле неоновый указатель «У Рубена».

Всего за день 1000 км. Итого 1500 км.

День 3

Явление притчи

Покидали мы «У Рубена» ранним утром. Ночью мы здесь были единственными постояльцами, и та же женщина, что и размещала нас, с видимым облегчением восприняла наш отказ от завтрака.

Мой сын, произведя нехитрые умозаключения, решил, что эта женщина и была Рубеном. И заявил, что когда у него родится дочь, он тоже назовет ее Рубен. Нам, родителям, едва-едва смирившимся с тем, что внуков будут звать Гжегож и Хулио, потребовалось время, чтобы принять такой выбор женского имени.

На улице нас поджидал сюрприз. Точнее, сюрпризом было все пространство вокруг «У Рубена».

Темной южной ночью мы ничего, кроме силуэта вертолета, не заметили. Теперь же, при дневном свете, обстановка вокруг выглядела весьма диковинной. Всю немалую площадь от гостиницы до дороги занимала выставка – не выставка, парк – не парк, Диснейленд – не Диснейленд... В общем, нечто такое, название чему подобрать затруднительно. Помимо вертолета здесь были размещены старинные автомобили (многие в весьма приличном состоянии), диковинные

агрегаты, мотоциклетки и вагонетки, прочая всевозможная техника.

Между ними разбиты клумбы, проложены дорожки, устроены фонтаны. Фонтаны украшают скульптуры колхозниц с веслами, пионеров с горнами, металлургов с клещами – весь этот сов-арт... Там, где недоставало советских скульптур, громоздится диковатый аляпистый новодел – резные гномы, старички-боровички и зайчики-попрыгайчики.

Извилистые дорожки приводят то к курятнику с цесарками, то к вышке с работающим ветряком. Из кустов внезапно появляется череп с невероятных размеров рогами, а за ним приглядывает с караульной вышки облаченный в старую военную форму манекен.

Из степной растительности вдруг выплывает ржавый катер с километровым в радиусе штурвалом, подле подпирает небеса пятиметровая бутылка шампанского, из-за нее грозит выкатиться и раздавить вас многотонный гипсовый арбуз.

Больше всего это напоминает многочисленные американские кафешки по знаменитой Route-66 или жилище дядюшки Лео из фильма Кустурицы «Аризонская мечта», но здесь, в бескрайних волжских степях, на вольном, что называется, выпасе, оно обрело совсем уж циклопические, не вмещаемые ни в какое воображение масштабы.

И среди всего этого раздолья совсем уж хаотично расставлены мангалы, мангалы, мангалы... Несмотря на все причуды, Рубен, похоже, крепко знает свое дело.

Почти до самой Палласовки мы ехали молча, переваривая увиденное.

А в самой Палласовке нас ждало одно дело.

Наши друзья, Леха и Маша, двумя днями раньше отправились в путь по частично совпадавшему с нашим маршруту.

Им предстояло от Волгограда уйти в Калмыкию, а оттуда в Дагестан, в горы.

Они ехали на западный берег Каспия, а мы на восточный. Однако в их маршруте, как и у нас, был запланирован заезд на озеро Эльтон. И они решили передать нам привет.

В Палласовке они зарыли для нас клад!

Теперь нам предстояло его отрыть. У нас были gps-координаты места, но наш штурман легкомысленно их не выписала от руки, а хранила в телефоне. В чатике ВК. А связи в Палласовке не было. Наш мобильный оператор там не ловил. Еще в том же чатике было фото придорожной рекламной конструкции для ориентира. Я, было дело, тоже глянул на нее мельком и никуда не сохранил.

И вот теперь мы колесили по Палласовке, глядя на многочисленные типовые рекламные конструкции, которыми буквально усеяны местные обочины. Рыскнув вправо-влево, кинувшись туда и сюда, мы решили, наконец, прибегнуть к помощи разума. Ребята не должны были усложнять себе задачу и, наверное, зарыли клад не абы где, а следуя по пути на Эльтон, никуда в сторону не съезжая. Это все упрощало. Навигаторше Оксане была поставлена задача искать путь на Эль-

тон.

Навигаторша Оксана – судя по всему, женщина трудной судьбы, оттого обладающая весьма непростым характером, – решила, как всегда, избегать простых путей. И повела нас на Эльтон напрямик через местные огороды.

Здесь нам никакой клад, ясное дело, не светил. Пришлось все взять в свои руки, отыскать главную дорогу и по старинке, по указателям, нащупывать столбовую дорогу, наезженный эльтонский тракт. Оксана устроила было истерику, пришлось ее совсем не по-джентльменски заткнуть.

Я зорко оглядывал все встречающиеся рекламные конструкции. И вот надо же, возле одной из них во мне что-то шевельнулось.

Это был рекламный щит 6 × 3 м. На нем был изображен баобабоподобный букетище алых роз и вилась алой лентой надпись – что-то типа: «Путь к сердцу твоему выстлан их шипами...».

И сердце мое дрогнуло.

Это должно было быть здесь. Это в Лехином стиле.

И действительно, под опорой рекламного щита мы обнаружили сложенную из камней пирамидку.

Под ней была погребена обувная коробка, обитая, на манер гробика, атласом. В гробике, в засушенных цветочных лепестках, мы обнаружили бранные останки нашего материального, тварного мира. А именно – мышеловку, флакон настойки боярышника на спирту и реликтовую компакт-кас-

сету воспевателя русской необъятной тоски Юрия Шевчука под названием «Это все, что останется после меня».

И мы взяли с собой вот «это вот все» и долго ехали и гадали и думали думу о бренности и тщете и вообще о том, что же значит сие послание.

Дальнейший наш путь к Эльтону лежал параллельно казахстанской границе, вдоль то и дело попадававшихся современных военных городков.

Это была уже Волгоградская область: ровнейшая, как поднос, степь, однако вся, насколько достигал глаз, охозяйствленная. Угадывались бахчи, пастбища, посадки. Через дорогу туда-сюда то и дело перекатывались, цепляясь за разбитый асфальт зловещими клешнями, членистоногие комья перекаати-поля. Когда-то я вычитал, что компрессами из пережеванной кашицы этого сухого растения можно лечить укусы ядовитых насекомых. Это какой же суровой во все века должна быть здешняя жизнь, чтобы пережевывать в кашицу перекаати-поле?!

Обочь то и дело мелькали типичные немецкие постройки – лютеранские церкви с остроконечными колоколенками, прочные кирпичные амбары, следы бывшего крепкого хозяйства.

Немцы жили здесь с середины XIX века и до середины XX-го, когда Поволжская немецкая республика была ликвидирована, а большинство ее жителей расселено по Сибири и Казахстану. Всего-то век был их здешнему житию, а на-

сколько же прочное осталось наследие! И сейчас не скажешь, что постройки приходят в запустение, но общий фон, способ хозяйствования уже, конечно, мало напоминают тот стародавний уклад, что был здесь раньше. И что так великолепно описан в романе Гузели Яхиной «Дети мои» на примере волжского поселения Гнаденталь.

Совпадение или нет, но поселок Верхний Еруслан, что лежит на пути к Эльтону, с его замечательно сохранившейся кирхой, раньше назывался Гнадентау.

На подъезде к Эльтону мы сделали остановку, чтобы сфотографировать интересное явление. Здесь пошли пашни, что привлекло сюда огромное количество грачей, основавших немислимых размеров колонию. Все рассаженные вдоль обочин деревья (по-моему, это акации) оказались облеплены гнездами, как новогодние елки шарами.

Гнезд здесь без счета – на каждой ветви по три, по четыре, а может и больше. И пока деревья стоят еще без листвы, голые, выглядит это все, натурально, как многоквартирные дома.

Конечно, такое встречается и у нас на Урале, и в средней полосе, но не имеет характера сплошного заселения, как здесь. У нас возле какой-нибудь особо привлекательной пашни грачи могут облюбовать несколько тополей или заросли кустов и тоже навить в избытке гнезд. Но в нашей лесистой местности у них есть в общем-то выбор, где селиться. Здесь же, на этой скудной на дерево земле, все, что им

остаётся, это узкая полоса придорожных посадок. И потому грачиные гнёздовья, покрывая каждое дерево сверху донизу, тянутся здесь километрами.

Птиц на это вынуждает кормовая база и скудный материал для размещения и строительства гнёзд. Что же нас вынуждает лепиться друг к другу, конура к конуре, в наших городах?

Эльтон нас ожидаемо поразил.

Видывал я солёные озера и до этого, на Южном Урале это явление не в диковинку, но нигде я не видал солёных озёр такого размера, лежащих в настолько ровной – до безысходности – местности.

Глядя на озеро со стороны прилегающего одноименного посёлка, нельзя угадать, где же кончается его противоположный берег и начинается степь. Само озеро розовеет. Этому способствует обитающая в нём бактерия, которая единственно одна и может выживать в его мёртвых солёных водах. По сути, все озеро – это и есть соль и ничего кроме соли. Если насыпать полное блюдо соли и лить сверху воду, то довольно скоро соль впитает в себя предельное количество воды и на поверхности появится слой воды с плёнкой – рассол. Теперь представьте себе такое блюдо диаметром восемнадцать километров. Это и есть Эльтон – самое большое солёное озеро Европы.

Помимо замечательной розоватости, озеро обладает и весьма очевидными лечебными свойствами. Этому способствуют как состав самой соли, в которой повышено содержа-

ние брома, так и минерализация озера от находящихся неподалеку источников. Минерализация его превышает, кстати говоря, те же показатели знаменитого Мертвого моря в Израиле.

Однако окунуться в озеро вряд ли получится. Его глубина нигде не превышает 30–50 сантиметров. Говорят, весной, в половодье глубина в северной части достигает полутора метров, но мы и были весной, и как раз-таки в северной части. И было по щиколотку. Возможно, тому виной сильный, натурально сбивающий с ног северный ветер, что дул все время, пока мы были на озере. Такой ветер на такой ровной поверхности вполне способен отогнать всю воду к югу. Но нас это не расстроило.

По старой дамбе мы прошли вглубь озера, вдоволь нагулялись по соляной пустыне, побродили босиком по рассолу, поснимали неземной этот пейзаж и поснимались сами. И решили двигаться дальше. Ветер был сильным и было ощутимо холодно, да и мы выбились из графика. В окрестностях Эльтона нам предстояло найти участки степных диких маков и посетить гору Улаган. С маками у нас не задалось, и мы отправились к Улагану.

Человека средней полосы, а уж тем более человека уральского, вряд ли впечатлит гора Улаган. На наш взгляд, это невысокий и совершенно невзрачный чуть всхолмленный гребешок, поросший скудной степной растительностью. Если чем и может поразить гора Улаган избалованного видами

уральца, так это лишь своей невняtnостью. А уж пермяка, чья повседневная жизнь протекает меж грандиозных оврагов, Улаган вроде бы не должен впечатлить вовсе. Однако это не так.

Ибо Улаган есть не что иное, как соляной купол. С виду это просто возвышенность. Земля, небольшие скальные выходы, растительность. Однако эта возвышенность и по размерам, и по профилю идеально повторяет озеро Эльтон. Это как если взять и продавить в песочнице формочкой для куличика углубление, а затем рядом перевернуть саму формочку.

Как такое возможно? По одной из версий, горизонтальный соляной пласт, имеющий толщину до нескольких километров, эдакая линза, испытывающая давление и собственного веса, и напеков воды, начинает выпирать вбок. Пласт будто бы выталкивает свои соляные края, не в силах больше выносить тяжесть единого целого, и горизонтальные слои становятся вертикально, образуя так называемые штоки. Это края нашего блюда, его вертикальный загиб. Однако давление пласта таково, что шток не ограничивается ровным бортиком блюда. Он прет и прет из-под земли все выше и выше, толкая перед собой всю толщу земной коры, вынося на поверхность свидетельства самых разных геологических периодов, и наконец прорывает земную толщу.

Есть версия, что некоторые из штоков, этих подземных соляных гор, дорастают до высоты девять километров, ста-

новьясь самыми настоящими соляными Гималаями. Только подземными. На этот путь у штоков уходят миллионы лет, и все это не масштабируемое разумом, вечное время их рост не остановим.

Вот и гора Улаган прирастает ежегодно на доли миллиметра. Возможно, когда-нибудь накопленная в ней сила прорвет-таки земную толщу, и на ее месте образуется новое соляное озеро. Осознавая это, уже без иронии смотришь на ее более чем скромную высоту. Подлинное величие разглядит не всякий.

На вершину Улагана мы заехали степной, но довольно торной дорогой. Вершина одарила нас прекрасной эльтонской панорамой.

Озеро раскинулось перед нами во всей красе и розовело и искрилось, и солнце лежало на нем, как на перине. За озером, насколько хватало глаз, ковылилась степь, сливаясь совершенно неразличимо с наползающими издалика тучами.

Здесь, на вершине, сооружено место отдыха со скамьями и кострищем и, что самое важное, с ветрозащитными стенками из местного ломкого камня. Если приглядеться, на нем можно разглядеть следы древних, миллионолетних окаменелостей. Это океан Тетис передавал нам привет прямо из мезозоя, напоминая о том, что путь наш едва начался и пора двигаться дальше.

Снявшись на память возле таблички, сообщавшей о том, что гора Улаган является высшей точкой Нижнего Завол-

жья, мы иронично одарили друг друга традиционным альпинистским поздравлением «С горой!», попили чаю и двинули дальше.

Нам предстояло вернуться обратно, почти до Палласовки, выйти на автодорогу Энгельс – Волгоград и двигаться по ней в сторону города Волжский. Мы держали путь в Астраханскую область на озеро Баскунчак, гораздо более известное солевое озеро, нежели Эльтон.

Крюк получался немаленький, особенно если держать перед глазами карту и мысленно проводить между озерами Эльтон и Баскунчак прямую линию. Однако нам предстояло преодолеть около пятисот километров, и причиной такой заячьей петли было то, что как раз между озерами Эльтон и Баскунчак лежат земли знаменитого ракетного полигона Капустин Яр.

Мы опаздывали, но все же я был преисполнен оптимизма и воли непременно сегодня заночевать на берегах Баскунчака. В багажнике машины томилась новенькая фирменная ни разу не использованная палатка, и нам не терпелось испытать ее. А один запланированный «палаточный» день мы уже пропустили, заночевав у «Рубена».

Казалось, ничто не способно омрачить нам путь. Однако был нюанс. Еще по пути на Эльтон я легкомысленно проехал мимо АЗС в Палласовке. Перед этим я заправлялся в Энгельсе, и у меня было ощутимо больше половины бака бензина.

Эльтон – это не только озеро, но еще и поселок, говорили они. Там живут люди, там есть бальнеокурорт, говорили они. Там не может не быть АЗС, говорили они. Всю дорогу «они» говорили в моей голове этой забавной присказкой из кинофильма «Крепкий орешек». В Эльтоне «они» умолкли.

АЗС в Эльтоне не было. Мы покрутились по улочкам, всякий раз очень быстро оказываясь на окраине, в степях. Нигде не было ни намека на заправку. Решили спросить у прохожих, из коих нам подвернулись лишь две ангельские девчушки восточного вида:

– Девочки, вы не подскажете, где здесь заправка?

– Мы не местные, короче, – подумав, ответила та, что постарше. – Мы сюда с папой приехали в гости, – добавила она, когда мы уже было собрались уезжать.

– А папа где заправляется? – не теряли мы надежду.

– У чёрта одного, короче.

Чёрта мы так и не нашли и теперь ехали прочь, с тоской поглядывая на стрелку топливного датчика. Возвращаться в Палласовку нам не хотелось, мы должны были, не доезжая до нее, свернуть на Быково, да и не дотянули бы мы до Палласовки.

Тянулись Вишневка, Венгеловка, Кайсацкое – все как под копирку унылые, обездвиженные, бедные степные поселения. Везде якобы были АЗС и везде они не работали. Лампочка топливного бака уже давно пунцовела, нескромно возрождая в наших сердцах жажду приключений. Машина вот-

вот должна была обсохнуть – а приключения, стало быть, начаться.

Уже почти в полной безнадеге наша повозка вкатилась в поселение Прудентов. Мы проехали под витой, почти что свадебной аркой, что символизировала городские ворота, и затормозили у первого же дома. Возле него молодой парень возился с потрепанным автомобилем.

– Заправка? А нету ее тут. Мы в Быково заправляемся, за семьдесят километров. До Быково дотянете? Совсем обсыхаете? – завалил нас вопросами на редкость дружелюбный парень.

– Вай, как плохо! – огорчился он, узнав, что наш автомобиль потребляет бензин марки Аи-95. – Тут у чёрта одного, короче, можно купить, но только «девяносто второй».

Мы возликовали. В этих почти что библейских пустынях и «девяносто второй» был как манна.

Парень позвонил «короче чёрту» и поведал нам, что тот, «короче, в гостях, но сейчас подъедет».

Он взялся было растолковывать нам дорогу, но сам запутался во всех этих «короче, там пустырь слева, за ним пойма, за ней пустырь справа и дом с синей крышей» и вызвался нас проводить. Он выкатил из-за сарайки мотоцикл и бодро поскакал на нем, не разбирая дороги, прямо через пустыри. Мы еле поспевали следом.

Вскоре подъехал и «чёрт». Это оказался роскошнейший, эталонный, как с карикатуры, цыган – толстый, кучерявый,

с перстнем и вываливающимся из-под майки волосатым пузом.

Он лихо подкатил на помятой, как клубень, и такого же землистого цвета «Волге». С ним было все его семейство – златозубая красавица-жена и нескончаемый выводок детей. Они были очень радушны и добры. Хозяин сам залил мне в бак десять литров бензина – две пятилитровые баклажки из-под питьевой воды. Запасы этого бензина хранились у него в курятнике, прямо среди соловых кур.

– Э, где ты заправлялся до меня? – спрашивал он подозрительно. – В Энгельсе? В Энгельсе разве бензин? Я по запаху чувствую, что там тебе залили за бензин. Тебя там заправили этим, как его, научное такое слово – ссаками! А у меня бензин хороший, чистый, сейчас поедешь – топнешь, сразу разницу почувствуешь!

Взял с меня цыган за бензин из расчета 50 рублей за литр, наценка составила около семи рублей. Что просто по-божески. Не так уж много зарабатывают на подакцизных спекуляциях отзывчивые люди в благодатном этом, но отчего-то бедном, как и вся провинциальная Россия, краю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.